

ОБЗОР ДОКЛАДОВ ТЕМАТИЧЕСКОГО БЛОКА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ЯЗЫКЕ»

© 2019 г. С.М. Толстая

Д-р филол. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН

E-mail: smtolstaya@yandex.ru

Обзор посвящен тематическому блоку № 18. «Историческая память в языке», в котором приняли участие докладчики из Польши, России, Беларуси и Бельгии. Речь шла о традиционных и современных механизмах и средствах, с помощью которых в языке, ритуале и фольклоре сохраняется память о прошлом.

The review is devoted to the thematic block N 18 «Historical memory in language», which was attended by speakers from Poland, Russia, Belarus and Belgium. It was about traditional and modern mechanisms and means by which the memory of the past is preserved in language, ritual and folklore.

Ключевые слова: славянские языки, лексика, этимология, фольклор, обряд, память.

Keywords: Slavic languages, vocabulary, etymology, folklore, rite, memory.

DOI: 10.31857/S0869544X0004768-7

Тематический блок № 18 был посвящен проблеме памяти и назывался «Историческая память в языке». Его организатором был проф. Ежи Бартминьский, глава люблинской школы этнолингвистики. Участниками обсуждения, помимо польских ученых, были представители московской этнолингвистической школы, а также ученые из Белоруссии и Бельгии.

В своем обстоятельном выступлении «Как история откладывается в памяти и как память откладывается в языке» В. Хлебда (Польша), которому принадлежит целая серия исследований, посвященных концепту памяти, рассмотрел соотношение между названными в заглавии тремя понятиями (История, Память и Язык) и соответствующими многозначными словами (*история-1* как цепь реальных событий и *история-2* как их интерпретация и повествование; *память-1* как индивидуальное, внутреннее психическое переживание и *память-2* как внешний, коллективный опыт; именно *история-2* и *память-2* прежде всего находят выражение в языке и текстах). Он выделил пять основных признаков, которые объединяют *историю-2* и *память-2*: это субъективность,

повествовательность (нарративность), избирательность (селективность), интерпретативность и вербальность (языковая выраженность). Язык предоставляет необходимые средства, формы и структуры, которые позволяют отразить культурно-языковую «картину мира» прошлых эпох, и сам служит хранителем исторической памяти. Главные вопросы, на которые должны дать ответ этнолингвисты, по мнению Хлебды, следующие: какие формы языка сохраняют память о прошлом; что именно из событий прошлого они выделяют; каковы языковые механизмы и средства, с помощью которых передаются знания о прошлом следующим поколениям; какой образ прошлого на их основании воссоздается. При этом язык взаимодействует с другими видами культурной интерпретации прошлого, такими, как историография и память; все они приближают нас к пониманию прошлого, которое иначе нам недоступно.

Е. Бартминьский (Польша) посвятил свое выступление «Традиция и языковая память — стертая, оберегаемая и оживляемая» проблеме реконструкции на основе языка «живой старины», элементов былой культурной традиции, которые могут иметь в наше время разный статус, принадлежать к активному или пассивному слою культуры, сознательно поддерживаться или пребывать в «спящем» состоянии. Обращение к исторической перспективе позволит ответить на вопрос, в каких культурных кругах формировались те или иные семантические группы славянской лексики, какое место в отдельных славянских языках занимает наследие индоевропейское, праславянское, античное, иудео-христианское, кирилло-мефодиевское, западноевропейское; насколько и в какой форме связаны с прошлым собственные имена и т.д. Представление об индоевропейском наследии в польском языке можно получить из работы Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы»: это — названия главных психических функций (*wola, myśl, pamięć, miłość, strach, żal, radość*); религиозных и этических понятий (*duch i dusza, wiara; czart, bies, grzech; prawy* ‘праведный’ *i prawda, wina; raj, piekło, niebo; dziw, cud, mara*), названия деревьев (*drzewo, brzoza, buk, jabłoń*), названия животных (*wilk, lew, osioł, owca, prosię, kot, kura*), явлений природы (*słońce, złoto*); имена родства (*matka, brat, siostra, żona, wdowa, syn*); некоторые личные имена, проливающие свет на систему ценностей древних славян (*Bogdan/Bogodan, Zbigniew/Zbygniew, Czesław, Dobrogost* и др.). О праславянском наследии в польском языке впервые писал Т. Лер-Сплавинский в 1935 г., однако позже наши познания в этой области значительно расширились за счет новых этимологических словарей и прежде всего двух сводных этимологических словарей славянских языков — московского и краковского. В современном сознании поляков память об общеславянском наследии в достаточной мере стерта, более актуальным оказывается представление о различиях между славянскими языками. Христианская лексика вместе с комплексом понятий включает польский язык и польскую культуру в общеевропейский контекст. Наиболее заметны христианские элементы в лексике, прежде всего церковной (костельной), а также в личных именах — древнееврейских, греческих, латинских по происхождению; в библейской и античной фразеологии, а также в новых, христианских, значениях исконных слов (ср. *niebo, gwiazda, wiatr* и др.). Принадлежность польского языка и культуры к кругу западноевропейского христианства открыла дорогу для проникновения в польский язык не только греческих и латинских элементов, но и французских, немецких, английских, итальянских слов, выражений и понятий. Воспринятые польским языком общеевропейские языковые элементы относятся к разным сферам: политической, административной, культурной, научной и др. Изучение численного соотношения современных польских

фамилий, восходящих к разным слоям польского общества в прошлом (дворянству, мещанству, крестьянству), позволяет заметить, что доля дворянских по происхождению фамилий на *-ski* составляет ныне почти 40%, что значительно превышает процент дворянского слоя в прошлом. Некоторые «ключевые» для современного польского слова, такие, как *równość*, *honor*, *naród*, также восходят к дворянской культурной традиции, тогда как, например, *solidarność* имеет «плебейское» происхождение.

А.А. Кожина (Белоруссия) в своем сообщении «Внутренняя форма слова и ее реализация в древних славянских текстах» показала, что прозрачная мотивировка слова участвует в формировании так называемой *figura etymologica*, а деэтимологизированная внутренняя форма слова, утратившая мотивировку, может порождать новое, народно-этимологическое осмысление слова и способствовать установлению особых текстовых связей и отношений. Материалом для наблюдений послужили древнеславянские тексты, оригинальные и переводные. Во многих переводных текстах воспроизводятся глагольно-именные этимологические фигуры, присутствовавшие в греческом тексте Нового завета, например Мт 2:10 фигура *ἐχάρησαν χαρὰν μεγάλην* в Мариинском евангелии была переведена как *възра(доваш)а сѧ радостиѧ велиѧ зъло* (Мар.) и повторена в Острожской библии (*възрадоваша^а радостию велиєю зъло* (Острож.)). Но в переводах *figura etymologica* может появляться даже при отсутствии ее в языке оригинала. Этимологические фигуры могут регулярно повторяться в текстах, как, например, *ковѣ ковати* ‘замышлять зло, строить козни против кого-л.’, приводимом «Словарем русского языка XI–XVII вв.» в качестве устойчивого, повторяющегося в различных текстах. Примером, демонстрирующим роль народной этимологии, может служить сопоставление в тексте притчи, созданной Кириллом Туровским, лексемы *вкусъ* и *уксусъ*: *заушение же иеръискаго новоплодья по образу Адамова отъ дръва възбраненаго вкуса, вкушаетъ зълъ сѧ вкусомъ*. То, что вкусил Христос на кресте, обычно именовалось лексемой *оцьтъ* (лат. *acetum* ‘уксус’), форма же, восходящая к греч. *ὄξος*, впервые отмечена в грамматике 1136 г. Следовательно, для епископа Кирилла она была новой и необычной, но, прибегнув к народной этимологии, он нашел место неологизму в своей лексической системе и создал новую и необычную параллель между реальностями Ветхого и Нового Заветов, продемонстрировав тем самым роль народной этимологии в построении текста. Не обладающие формальным сходством, но связанные одной внутренней формой лексемы могут устанавливать своего рода этимологическую сеть; так, уже с древнейших текстов сближались слова *гнев* и *огонь* или *гнев* и *гнити, гной*.

Сообщение С.М. Толстой (Россия) «Этимологическая память слова» было посвящено роли языка, прежде всего лексики и дисциплин, ее изучающих (лексикологии, семасиологии, этимологии), в реконструкции древней славянской культуры. В области реконструкции материальной культуры и древнейших видов производственной деятельности сделано очень много и прежде всего на основе языковых данных. Опираясь на «ключевые» слова культуры, этимологам удалось реконструировать основные черты древнеславянского образа жизни и хозяйствования, такие, как оседлость (ср. *седети, село, усадьба, сосед* и их дериваты), обработка земли (*цельй, пустой, новый, лежать*) и занятия земледелием (*сеять, нива, поле, копати, орати, пахати, рало, лемех, плуг* и т.д.; *жито, пшеница, овес, ячмень* и т.д.; *семя, родить, урожай*; орудия земледельческого труда – *соха, плуг, серп* и т.д.), животноводством (*скот, пастух, говядо* и т.д.), птицеводством, охотой, рыбной ловлей, собирательством – все эти области деятельности отражены в праславянской лексике и известны всем

славянским языкам. Большое внимание уделяли этимологи ремеслам древних славян (обработке дерева, кузнечному делу, ткачеству, гончарному производству, скорняжному делу и др.). Столь же значимы «ключевые» слова для реконструкции социальных отношений и духовной культуры. В этой области глубокие исследования оставили нам В.Н. Топоров, Вяч. Вс. Иванов, О.Н. Трубачев. Из многочисленных работ В.Н. Топорова необходимо упомянуть прежде всего его исследование концепта святости, начало которым положила этимологическая реконструкция слова *святой* (корень *свят* с первичной семантикой роста, разбухания, распространения вширь); затем работы о слове *мир*, именах с компонентом *мир-* и выражении *мир и воля*, открывшие глубокие связи славян с иранской культурной традицией. Анализ слова *обряд* (в соотношении с другим индоевропейским обозначением *ritus* – ритуал) позволил Топорову раскрыть суть ритуала как культурного явления и его первостепенную роль (в том числе и по отношению к мифу) в архаических традициях.

Усилиями ряда исследователей, прежде всего Вяч.Вс. Иванова, В.Н. Топорова, В.М. Живова была реконструирована (вслед за Э. Бенвенистом) система понятий и терминов древнего славянского права или «предправа», еще неотделимых от мифопоэтической традиции, таких, как *суд*, *судить*, *пытать*, *истец*, *истина*, *истый*, *правый*, *правда*, *править*, *расправа*, *преступити*, *казать*, *кара*, *казнь*, *мир*, *вера*, *клятва* и т.п. Позже многие из архаических юридических терминов и формул древнего славянского права получили дальнейшее детальное рассмотрение в работах других славистов.

И.А. Седакова (Россия) в своем докладе «Память народно-культурной традиции в современном ритуальном дискурсе» обратилась к современному состоянию болгарской народной традиции в сопоставлении с некоторыми российскими ритуальными практиками. Наблюдения и выводы автора опирались на собственные полевые исследования в Болгарии и России, а также на данные болгарских и российских сайтов и форумов. Они касались соотношения традиции и новаторства в свадебных обрядах, в бытовом поведении, в запретах и предписаниях для беременных женщин и их окружения, в обрядах, связанных с рождением ребенка, выбором имени для новорожденного, а также ритуалов погребения и траура. Отмечались как явления редукции традиционных обрядовых сценариев, так и оснащения их новыми элементами. При общем для Болгарии и России (как и других постсоциалистических стран) повышенном интересе к проблеме исторической и общественной памяти различия между двумя странами весьма значительны. Болгария – более патриархальная страна, которая не утратила связи с народной традицией. Так, после 1944 г. народный праздник Бабин день (21.01) стал Днем родовспоможения, День св. Трифона (14.02) – Днем виноградаря, и даже в официальные праздничные сценарии включались элементы народной обрядности. В болгарском обществе сохранилось почитание крестного (кум) и поддержание с ним ритуального общения на протяжении всей жизни. Строго сохраняется родовое именование в честь бабушки или дедушки, хотя бы с использованием одного слога или первой буквы их имени, и рассказы о выборе имени с учетом различных обстоятельств рождения становятся семейными нарративами. Церковные праздники, не подвергавшиеся в НРБ столь сильным запретам, как в СССР, отчасти сохранились именно благодаря болгарскому (и балканскому) культу имени собственного. Например, Вербное Воскресение (болг. *Цветница*) служит общим праздником для всех людей, носящих имена, ассоциирующиеся с растениями, – а таковых в Болгарии почти треть населения. Прекрасно сохраняются и постоянно используются в речи вербальные формулы – поздравления,

благопожелания, обязательные при получении известия о рождении ребенка, вступлении в брак. Все болгары умеют танцевать *хоро*, и все праздники — вплоть до государственных — заканчиваются массовым исполнением этого танца. В России народные обряды, если они и сохраняются в некоторых регионах, не вошли в официальный календарь и не стали государственными праздниками, а календарь носит более церковный характер. Болгары же придерживаются народной версии календаря, поэтому даже в церковные праздники (Рождество, Богоявление, Пасха, Успение, Воздвижение) на первое место выходят архаические представления и народные ритуалы. Глобализация и влияние западного праздничного календаря на ритуальный год в России и Болгарии способствуют актуализации памяти, трансформации фрагментов народной культуры. День св. Валентина внес коррективы и в российский, и в болгарский ритуальный год. В Болгарии 14 февраля — День виноградаря, и основные мотивы двух праздников — вино и влюбленность хорошо дополняют друг друга. В России празднование Дня св. Валентина «вписалось» в официальный цикл гендерных праздников (23 февраля, День защитника Отечества, и 8 марта, Международный женский день). Обращает на себя внимание развитие новых поминальных практик в Болгарии. Ритуальное ежедневное поминовение усопших на могилах в течение девяти дней после смерти — яркая черта патриархального болгарского общества. В городе поминовения на кладбище совершаются раз в неделю (в субботу) до одного года со дня смерти близкого. В последние годы особое развитие получили ритуалы, посвященные жертвам голодомора, Холокоста, терактов (Нью-Йорк — 11 сентября 2001 г.; Беслан — 1 сентября 2004 г.) и других трагических событий. Россия и Болгария в постсоветское время оказались в разных стартовых позициях для реконструкции традиционной культуры, с учетом 70-летней истории социализма в России и 40-летней в Болгарии.

А. Юдин (Бельгия)) выступил с сообщением «Память в имени: топонимия восточнославянских заговоров», в котором подчеркнул, что имя собственное является «единицей памяти» в языке, оно аккумулирует в себе историческую информацию о реальных лицах и событиях или мифологические представления о них; имя способно порождать нарративы о прошлом или моделировать прошлое. Именам собственным в восточнославянских заговорах посвящена большая литература; о некоторых из них, в частности о таких топонимах, как Иерусалим, Иордан, Сион, Синай, Голгофа, Дунай, море Океан, река Смородина, камень Алатырь, остров Буян и т.п., существуют специальные исследования. Автор предложил обзор основных работ о мифотопонимии восточнославянских заговоров и содержащейся в них исторической информации.

Подробные материалы тематического блока будут опубликованы в люблинском ежегоднике «Etnolingwistyka» (2019. Т. 31).